

Антон Барановский

Воробей - пенсионер

повесть

6+

АНТОН БАРАНОВСКИЙ
Воробей-пенсионер

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Барановский А. В.

Воробей-пенсионер / А. В. Барановский — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

В книге в доступной форме рассказывается реальная история о жизни в домашних условиях одного из самых неожиданных домашних питомцев - домового воробья - от рождения до глубокой старости. Читатель узнает о его взаимоотношениях с другими птицами, семейной жизни, дружбе с человеком.

© Барановский А. В., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Антон Барановский Воробей-пенсионер

Апрельским днем далекого 1997 года я, тогда еще студент, обнаружил невысоко над землей гнездо домового воробья. Самец громко оповещал округу, что ниша в стене от выпавшего кирпича является его законной собственностью. Самка занималась строительством – таскала в убежище пучки прошлогодней травы, которые только что показались из-под таявшего снега и не успели еще даже полностью просохнуть.

Как раз осенью прошлого года я выбрал темой для своей будущей дипломной работы экологию воробьев, а несколько лет спустя этим же птицам посвятил и кандидатскую диссертацию. Зимой, пытаясь провести эксперименты с отловленными на балконе и соседних остановках воробьями, я обнаружил, что они настолько пугаются, оказавшись в неволе, что отказываются принимать пищу, слабеют, и приходится их выпускать. Казалось бы, воробьи, находящиеся постоянно рядом с человеком, не должны его так уж сильно бояться, однако факт остается фактом – приучить к неволе дикого воробья почти невозможно, куда труднее, чем, например, чижа или снегиря. Прочитав в литературе, что выращенные с самого раннего возраста человеком воробьи могут становиться ручными, я предположил, не сможет ли ручная птица помочь преодолеть у диких сородичей их панический страх. Для этого нужно было взять из гнезда одного птенца и воспитать его самому.

Через несколько дней воробьи закончили строительство гнезда, и их активность резко сократилась. Теперь воробьи поочередно насиживали кладку. Самец в свободное от насиживания время нередко продолжал петь, сидя рядом с гнездом на выступающем из стены кирпиче. Самка же, выбравшись из гнезда, сразу летела кормиться. Самец не всегда тут же занимал освободившееся место, нередко сопровождая ее – ведь в небольшом гнезде с толстыми стенками из травы, перьев, различного мусора, которое вдобавок находится внутри толстой стены, температура долго остается высокой даже в отсутствии родителей, и для яиц нет опасности застынуть за полчаса. По истечении этого срока, а часто и быстрее, самец всегда возвращался, даже если самка еще продолжала кормиться. Трудно сказать, с какой целью он сопровождал самку на кормежку. Ведь реальную защиту от настоящих врагов он вряд ли мог обеспечить.

В разных воробьиных семьях насиживание начинается неодинаково. Некоторые, особенно если кладка невелика, начинают насиживать только после того, как отложены все яйца. Птенцы в этом случае вылупляются почти одновременно – все в течение одних суток. Если в кладке пять или больше яиц, птицы часто начинают их обогреть после появления третьего или четвертого. Тогда первые несколько птенцов вылупляются одновременно, а затем каждый день – еще по одному.

Эти последние часто погибают еще в гнездах, потому что родители больше заботятся о старших, более сильных. Особенно опасны для отстающих первые дни. Широкие рты старших позволяют им проглатывать крупные куски пищи, и родители, экономя свое время и силы, начинают увеличивать размер приносимых к гнезду порций. Младшие птенцы зачастую не могут проглотить такой корм даже в том случае, если взрослые пытаются его вложить именно в их клювы.

Если же всему разновозрастному выводку посчастливилось опериться, то следующим испытанием для младших становится выход из гнезда. Первые птенцы покидают служившее им домом укрытие в должный срок, умея уже хорошо летать. Родители редко дожидаются остальных и сразу уводят вылетевших подальше от гнезда, в самые кормные места. Под угрозой гибели от голода отстающие тоже выскакивают наружу. Но перья их крыльев не всегда оказываются достаточно выросшими, чтобы удержать птенца в воздухе. Он падает или планирует на землю и старается догнать выводок пешим ходом. Часто такие отставшие в развитии еще

нелетные птенцы становятся жертвами кошек, попадают под машины и встречаются с тысячами других опасностей, которые еще один день, проведенный в гнезде, мог бы предотвратить. Поэтому немногие из них выживают.

Иногда воробьи начинают насиживание уже с первого яйца, но сперва не очень интенсивно, и как следует принимаются за дело после окончания кладки. Тогда все птенцы появляются на свет дня за два.

Как было у той птичьей семьи, о которой идет рассказ, удалось узнать только после того, как птенцы родились и немного подросли. Забравшись в гнездо, я увидел, что все четверо одинакового размера, значит, насиживание началось с последнего яйца. Один из птенцов сразу же привлек мое внимание – на левой ноге задний коготь, а на правой – два передних были у него не темными, как положено, а розовыми, лишенными пигментации. Его я и решил взять на воспитание. Оказалось, что воробьенку повезло. Через три дня гнездо обнаружила сорока и сразу же разорила. Так в природе идет отбор воробьев, предпочитающих строить гнезда в недоступных ни для кого, кроме них самих, укрытиях с очень маленькими входными отверстиями. Многие из тех, кто поселяется в доступных для хищников местах, не оставляют потомства.

Как выращивать трехдневного птенца, голого и слепого, весом около пяти граммов?

Во-первых, его надо постоянно греть. Положив в маленькую стеклянную баночку мягкую ткань, я посадил туда воробьенка, а саму баночку на веревочке повесил на шею под одеждой. Так предстояло прожить неделю, пока питомец не оперится и не сможет сам регулировать температуру тела. Самое главное здесь – внимательность, причем даже ночью, во сне.

Во-вторых, птенца надо постоянно кормить. Если бы он рос в гнезде, то получал бы порцию корма один раз в пять-двадцать минут в течение всего светового дня. Так пришлось кормить и своего питомца. Его рацион в этом возрасте – насекомые. У меня воробьенок отлично рос на диете из тараканов и муравьиных яиц, иногда удавалось найти для него гусеницу. Через несколько дней можно было уже давать понемногу и хлеб, сперва размоченный в молоке.

После каждого четвертого-шестого кормления приходилось удалять из баночки экскременты птенца. Они выделяются в специальной оболочке, чтобы взрослая птица могла, не запачкав гнездо и себя, аккуратно выбросить ненужный предмет. Для этой цели у меня использовался тот же пинцет, что и для кормления.

Воробей быстро развивался. Вскоре он покрылся перьями, а на восьмой день отказался сидеть в баночке. Настало время переселяться в клетку. Есть сам он еще не умел, и приходилось продолжать кормление с пинцета. Это был самый трудный период. Если раньше можно было куда-нибудь пойти, взяв с собой баночку с птенцом, то теперь нужно было постоянно находиться около клетки. Правда, кормить уже можно было реже – раз в два-три часа, хотя и большими порциями. Вскоре воробей стал понемногу есть и сам, но регулярно просил его подкормить. Интересно, что попытки самостоятельного питания начинались тогда, когда он в общем-то был сыт. После очередного кормления с пинцета птенец внимательно рассматривал разложенный на полу клетки корм и что-то пытался клевать. Будучи голодным, он прекращал эти попытки и затрачивал всю энергию на привлечение внимания человека-кормильца. Такое поведение нам более знакомо, чем кажется на первый взгляд. Если нужно освоить новый способ действий, то куда спокойнее заниматься этим в часы досуга, когда никто не торопит, чем в тот момент, когда уже немедленно требуется результат.

В комнате, где стояла клетка, были и другие птицы. Рядом находился большой вольер, высотой до потолка. Воробей с интересом наблюдал за соседями, по-особому задирая и поворачивая голову, так что его подбородок был направлен чуть ли не в потолок. Такого движения у других воробьев я не замечал. Интересно, что и много лет спустя он иногда его воспроизводил, особенно разволновавшись по какой-нибудь причине.

Через неделю после переселения в клетку птенец уже освоил самостоятельное питание и был переселен в вольер, где жили волнистые попугайчики и кореллы.

В литературе, особенно научно-популярной, по этологии уже стало классическим рассматривать проблему запечатления, или импринтинга. Приводят множество примеров, как птицы и другие животные, выращенные с младенчества человеком, потом рассматривают его как полового партнера, а себя считают принадлежащими тоже к виду людей. Возможно, так иногда и бывает. Однако опыт любителей птиц показывает, что как правило все происходит совсем по-другому. Тем не менее, подобного рода литература продолжает издаваться и переиздаваться.

...В одном из иностранных научных журналов был описан любопытный случай. В городе о большое окно разбился непонятно как там оказавшийся селезень кряквы и упал на соседнюю крышу. Пролетавший мимо другой селезень, увидев труп, подлетел и долго спаривался с ним, после чего продолжил свой путь. По аналогии с литературой об импринтинге, на основании этого случая нужно теперь всех уток считать некрофилами, да еще и с ненормальной ориентацией...

Как и многие другие выращенные человеком птенцы до него, и как будет после, мой воробей отлично разобрался, кем является он сам, а кем – окружающие самые разнообразные живые существа. Он явно не считал врагами никого из людей, но в отношении незнакомых всегда сохранял дистанцию. Впрочем, как и другие клеточные птицы, воробей отлично понимал значение решетки. Если между ним и человеком имелась стенка клетки, он спокойно сидел в пяти сантиметрах от нее. Стоило незнакомцу открыть дверцу, как воробей тут же отдалялся, хотя и без особого опасения. Он явно помнил, кто его выкормил, и отличал этого человека от остальных. Охотно брал у меня корм из рук, позволял приблизить к себе даже засунутую в клетку руку на 5-10 сантиметров. Никто из птиц не любит, когда их берут в руки. Ведь при этом нарушается расположение сотен перьев, и потом надо их снова раскладывать в нужном порядке. Не любил этого и мой воробей. Однако чужих людей, державших его в руке, он довольно больно клевал и выражал свое возмущение (а вовсе не страх, так как испуганный воробей кричит совсем иначе) громким злым чириканьем. Если его брал я, он молчал и не клевался, однако было видно, что удовольствия это ему не доставляет. Поэтому я почти и не брал воробья в руки.

С попугаями и самцом зарянки, жившими в вольере, у него были сложные отношения. Воробей прекрасно осознавал, что никто из них не является его соплеменником, и поэтому не пытался установить близких отношений. С другой стороны, ему, как и всем социальным животным, было необходимо общение. Поэтому у воробья в отношении соседей постоянно возникали агрессивные побуждения. Однако они во многом сдерживались, поскольку эти самые соседи оказались вполне способны за себя постоять. Нападать спереди на кореллу или даже волнистого попугайчика, вооруженных мощным клювом-кусачками, чревато тяжелыми травмами. Поэтому воробей даже не пытался это сделать, а приспособился исподтишка дергать соседей за хвосты, особенно во время сна, и сразу же исчезать. Часто попугаи спросонья вообще не понимали, кто виноват, и начинали разборку друг с другом. Несколько столкновений с самцом зарянки наполнили воробья крайней почтительностью по отношению к этой невероятно подвижной птичке с острым шиловидным клювом, хотя она и была втрое легче его. Между ними надолго установился мир. Впрочем, зарянка и не жила в вольере постоянно, а вылезала в него погулять из находящейся рядом клетки. Всегда открытую дверцу клетки и дырку в стене вольера соединяла прозрачная труба, через которую могла свободно пройти зарянка и не могли попугаи. Она и сама воспринимала клетку как дом, возвращаясь туда на ночной сон и дневной отдых. Нейтралитет с воробьем существовал только в вольере, а из клетки, куда диаметр входа тоже позволял ему проникнуть, незваного гостя сразу же изгоняли. Вскоре он оставил эти попытки.

Все живущие вместе птицы прекрасно понимали значение звуков и жестов друг друга, но копировать их сами не пытались. Это напоминало общежитие нескольких иностранцев, каждый из которых обращается к соседям на своем языке, хотя все понимают языки друг друга.

В июле мой воробей впервые стал линять. Он терял серенькое оперение птенца, напоминающее окраску взрослой самки, и одевался яркими красками взрослого самца.

В той же клетке, где он провел свое детство, теперь подрастала юная самочка, оказавшаяся там по воле случая.

Родители моего воробья после разорения гнезда сорокой оставили это место и переселились под крышу соседнего гаража, в очень узкую длинную щель, куда могли проникнуть только они сами. А освободившееся место тут же заняла другая пара, значительно старше. Самец явно занимал одно из первых мест в иерархии воробьиного населения двора. Отложив четыре яйца, птицы принялись насиживать, однако продолжили кладку. На следующий день после четвертого в гнезде появилось пятое, а еще через день – шестое яйцо.

Птенцы вывелись в середине июня, когда стояла очень жаркая погода – раздолье для беспозвоночных. Насекомым-паразитам она тоже пришлась по вкусу. Гнездо в огромном количестве заселили кровососущие личинки мух, постоянно беспокоившие птенцов. Особенно плохо приходилось младшему, которому вдобавок почти не доставалось пищи – все, что приносили родители, поедали более крупные птенцы. Дважды осмотрев гнездо с промежутком в два дня, я обнаружил, что младший птенец не только не подрос, но его вес даже уменьшился на два грамма, хотя все остальные прибавили кто три, а кто и шесть граммов. Стало ясно, что вопрос его гибели в природе – дело нескольких дней. Поэтому младший птенец тоже переселился ко мне, после чего стал быстро расти и развиваться. Когда он оперился, оказалось, что это самочка.

Примерно в это же время случай привел ко мне домой еще одну воробиху. Идя как-то по тропинке около дома, я обратил внимание на птицу, которая при моем появлении как-то странно насторожилась, а потом, вместо того чтобы улететь, побежала. Даже пешую воробиху оказалось далеко не просто поймать, настолько искусно она использовала особенности местности – кусты, высокую траву, мусор. Все это не мешает маневрировать юркой птице, но задерживает передвижение неуклюжего по сравнению с ней человека. Оказалось, что у нее сломано крыло, и произошло это уже давно. Кончик крыла висел на кусочке кожи, и ткани уже начали гнить. Вылечить такую травму невозможно, и отмершую часть крыла пришлось ампутировать. Еще одна ранка была на затылке – с него словно кожу содрали. Вероятнее всего, в стайку воробьев кто-то выстрелил дробью, и две дробинки, попали в птицу, одна сломала крыло, а другая чиркнула по голове и содрала кожу. Воробиха панически боялась человека, ведь на инстинктивный страх наложился личный печальный опыт. Поэтому я посадил ее в большую клетку, которую выставил на балкон. Рядом была регулярно посещаемая воробьями кормушка, и новая птица, увидев, как они спокойно кормятся, тоже вскоре принялась за еду.

Вскоре она немного привыкла и была переселена в комнатный вольер. Лишь на неделю раньше туда я посадил и молодую выкормленную самочку, наконец обучившуюся самостоятельно есть. Так что первый воробей, самец, получил сразу двух подружек. Птицы, однако, никак не показали, что рады общению с соплеменниками. Дикая воробиха была слишком напугана видом экзотических соседей и никак не хотела становиться хоть чуточку ручной, несмотря на пример двух молодых сородичей. Когда я подходил к вольеру, она забивалась в самый дальний угол и суетливо перепархивала с ветки на ветку. Поскольку одно крыло было вдвое короче другого, летать, как все птицы, она уже не могла – кренилась на бок, входила в штопор и падала. Однако вскоре я заметил, что она как-то приспособилась – стала летать боком, коротким крылом вперед, а здоровым назад. Положение тела при этом отклонялось от избранного птицей направления более чем на 30 градусов. Однако так она не падала. Такой способ полета энергетически невыгоден, требует много сил, и поэтому в старости воробиха уже не могла так летать – умение осталось, но здоровье не позволяло. Пара молодых воробьев,

вопреки моим опасениям, также не переняла у дикой птицы ее осторожности. Они так и оставались ручными.

Без особых изменений прошли осень и половина зимы. В феврале я повесил на стенку вольера десяток скворечников разного размера. Каждая пара попугаев после недолгих споров заняла квартиру и приступила к выведению потомства.

У молодого самца воробья к этому времени клюв стал из желто-серого угольно-черным – это сигнал готовности к размножению. Он тоже облюбовал незанятый скворечник и стал его рекламировать. Сидя на жердочке у входа, а то и выглядывая из него, воробей самозабвенно пел. Он надувался, топорщил перья, тряс крыльями, словом, воспроизводил все те движения, которые и должен делать в такой ситуации нормальный воробей. А вот песня его оказалась необычной. Теперь воробей показал, что весь этот год не просто жил рядом с другими птицами, а внимательно слушал. Наряду с настоящими воробьиными песнями (а их несколько типов) он очень похоже воспроизводил голоса волнистых попугайчиков и корелл, причем тоже почти исключительно песни и призывные крики. Стало быть, воробей на самом деле понимал их язык, то есть осознавал, что именно обозначают те или иные звуки.

Вскоре я достал ручную самку зарянки. Увидев ее, живший у меня зарянка-самец тоже преисполнился надежд на семейную жизнь и запел в полный голос. Однако самка не обращала на него никакого внимания. А вот воробей вскоре научился подражать и этой чудесной песне.

В одном из рассказов Э. Сетон-Томпсон описывает воробья, которого вырастили канарейки, и он научился петь как кенар. Часто этот рассказ воспринимают как вымысел. Но на самом деле автор описал то, что действительно видел. В этом я уверился, понаблюдав за своим воробьем-пересмешником. Подобное иногда случается и в природе. Следующей весной однажды в центре города я услышал громкую трель зеленушки. Огляделся в поисках птички и увидел воробья, сидящего на соседнем дереве и отлично копирующего несвойственную ему в нормальной ситуации песню совсем другого вида.

Самок пение моего воробья сначала почему-то не впечатлило. Скорее всего дикая была все еще слишком подавлена неволей, а ручная оказалась слишком молодой – ей ведь было на полтора месяца меньше, чем самцу. Так что он, пропев недельку безрезультатно, сам приступил к постройке гнезда, чтобы к тому моменту, когда какая-нибудь из подруг образумится, оно было уже готовым. Он собирал по всему вольеру перья, потерянные кем-то при линьке, и носил их в выбранный скворечник. В самом начале гнездостроительной деятельности я положил в вольер несколько пучков прошлогодней сухой травы, которую оказалось весьма непросто извлечь из-под снега. Но воробей как бы не замечал вполне пригодные для постройки стебли, продолжая поиски перьев.

К середине марта стала проявлять интерес к скворечнику и самцу ручная молодая самка. Она подолгу наблюдала за его демонстрациями и даже комментировала их, потом залезала в гнездо. Внутреннее устройство помещения ей не понравилось. Воробья начала выбрасывать перья и носить в гнездо сухую траву, которую подбирала с пола. Иногда очень непросто было сперва поднять с пола травинку впятеро длиннее ее самой, потом протолкнуть через узкий вход и правильно уложить внутри. К тому же, как это часто бывает в жизни, и не только у птиц, ее представление об уютном жилище отнюдь не совпадало с таковым у партнера. Он как будто не понимал, что означает воробья, выносящая из скворечника целые пучки перьев, во всяком случае, не проявлял никакой реакции. Наверно, у воробья никак не укладывалась в голове мысль, что его собственная подруга может так вероломно разрушать все, что он сделал за долгие недели одинокого труда. Обнаружив на полу кучки выброшенных перьев, самец просто заносил их обратно, скорее всего считая новой своей удачной находкой. При этом он замечал пучки сена, нередко уже полностью покрывавшие пол, и сразу выбрасывал наружу. Воробья же продолжала приносить сено обратно и выбрасывать перья. Такой «сизифов труд» продолжался и продолжался. Я все ждал, когда же птицы поймут, в чем дело, как-то договорятся и

построят наконец нормальное гнездо, тем более что они явно полюбили друг друга и были готовы к воспитанию потомства. Но этого в первую весну так и не случилось. К середине лета началась линька, весеннее настроение прошло, и про недостроенное гнездо так все и забыли.

Сталкиваясь с фактами подобного непонимания друг другом в человеческом обществе, мы воспринимаем их совершенно нормально, хотя и не откажемся повеселиться, если это произошло с кем-то знакомым. Зато если у нас самих такая ситуация, то тут уж повеселятся они. Но как могут подобные вещи происходить в семьях птиц? Ведь у них так совершенны все реакции на окружающую среду, так отточены отбором инстинкты. Так думаем мы скорее всего потому, что мало их знаем. Точное изучение социальной организации воробьев, как и любых других птиц, невероятно трудное дело, так как требует массового индивидуального мечения и регулярных детальных наблюдений за одними и теми же особями. Поэтому такого рода данные в литературе до сих пор единичны, и о причинах неучастия отдельных особей в размножении пока мало что можно сказать. В то же время уже имеются данные, что доля «непарных» птиц, не проявляющих половой активности в течение всего репродуктивного периода, в популяциях воробьев может достигать четверти и более. Например, такие наблюдения были сделаны С. Бовером в Гамбурге в самом конце прошлого века. Некоторые воробьи, за которыми он наблюдал, не создали пары в течение двух-трех лет, и так и не оставили потомства, хотя прожили не такую уж короткую для вольной птицы жизнь. Почему это произошло? Не нашлось понравившегося партнера, не договорились относительно благоустройства дома, а может, имели какие-то отклонения в поведении? Мы и про соседей-то своих обычно не знаем, почему они разошлись, хотя многие из нас пристально наблюдают за ними с целью собирания и распространения всевозможных сплетен, считая это делом чести всей своей жизни. Тем не менее степень достоверности этих самых сплетен столь низка, что нормальный человек их не будет даже принимать во внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.